

Грамматика как единственное средство против недомыслия, казёнщины и низкопоклонства

Васильев К. Б.

Аннотация: Автор считает, что, давая название улице, площади, переулку — большим и малым магистралям в людских поселениях, следует соблюдать простые грамматические правила. Полезно также вдумываться в смысл наименования: будет ли оно понятно большинству обывателей? И не лишне избегать заковыристой орфографии и неблагозвучия. Урбанонимы не должны служить прославлением той или иной личности, поскольку случается переоценка её роли в истории, быть актом политического, религиозного, фанатического или фанатского преклонения. Когда присвоение названия продиктовано верноподданическими и низкопоклонническими чувствами, это может в момент именованья или со временем послужить поводом к недовольству, критическим высказываниям и даже выступлениям против властей.

Ключевые слова: топонимика, урбанонимы, согласование прилагательного с существительным, благозвучие, стереотипное мышление, Николай Подвойский, недомыслие, казёнщина, низкопоклонство

1

Живу я на проспекте с грамматически правильным и благозвучным названием *Измайловский*. Правильная грамматика в том, что существительное мужского рода *проспект* имеет при себе прилагательное мужского же рода, и оное прилагательное, именно *Измайловский*, согласуется с существительным *проспект* в роде, числе и падеже.

Не все помнят со школьной скамьи правила о согласовании, управлении и примыкании, и, в общем-то, обывателю, или, скажем так, обычному носителю русского языка, не требуется восстанавливать их в памяти или задумываться об использовании соответствующего падежа, когда он высказывает свои мысли по поводу или в связи с указанной (или любой иной) городской магистралью; он поведаёт, например, что Измайловский проспект (в именительном падеже) возник в Измайловской слободе и был проложен в 1740-х годах, что на пересечении Измайловского проспекта (в родительном падеже) с Троицким проспектом стоит собор Святой Троицы, что в 1923 году Измайловскому проспекту (в дательном падеже) дали иное название, он стал на два десятилетия, до 1944 года, проспектом Красных командиров.

Причину этого переименования я намеренно сообщаю не своими словами, она будет понятна по выписке из официального источника, где казённый слог органично дополняет смысл: *с целью искоренения дореволюционных понятий и замены их на советские*.

Из известных построек на Измайловском проспекте отмечу бывшие казармы гвардейского Измайловского полка, упомянутый Троице-Измайловский собор, служивший означенным гвардейцам полковой церковью, а особое внимание привлекает Колонна Славы перед собором, и для её описания я, опять заимствуя, приведу статью из путеводителя по Петербургу:

«Памятник Славы был воздвигнут в Санкт-Петербурге перед Троицким собором в честь подвигов русских войск, принимавших участие и победивших в Русско-турецкой войне 1877-78 годов. Памятник был сооружён в 1886 году <...> 12 октября 1886 года Триумфальный монумент

открывал лично Император Александр III. Памятник представлял собой 28-метровую колонну, сложенную из пяти рядов пушек, отбитых в войну у турок. На верху колонны был расположен гений с лавровым венком в протянутой руке, увенчивающий победителей. Пьедестал памятника имел высоту около шести с половиной метров, со всех четырёх сторон которого были вделаны бронзовые доски с описаниями основных событий войны и названий воинских частей, принимавших в ней участие».

Памятник Славы украшает Измайловский проспект, его фотографируют приезжие, а местные жители, думаю, в большинстве своём гордятся: мы живём рядом с Колонной Славы, и в ком-то из проживающих и приезжающим при виде Колонны даже патриотические чувства воспаляются: да, были люди, гвардейцы, победители, богатыри, могучее, лихое племя!

Если Колонна взгляды привлекает, сама возвышается и на возвышенные мысли порой настраивает, почему глаголы в зачитанной статье стоят в прошедшем времени? Хороший вопрос. Я не обратил внимания, что делаю выписку из устаревшего издания... Не буду, однако, вычёркивать отрывок для замены на сведения из иного источника, помеченного сегодняшним числом, не стану исправлять прошедшее время на настоящее, ибо в таком виде статья о Памятнике Славы вписывается в тему моих рассуждений. В советское время, сколько я себя помню, никакой колонны на Измайловском проспекте не было. На её месте, теряясь на фоне большой, сильно обветшавшей недействующей церкви, имелся простенький памятник архитектору В. П. Стасову, бюст на прямоугольном столбе, и далеко не все связывали имя *Стасов* с церковью или задумывались, что собор с намертво заколоченными дверями за спиной или, если хотите, за затылком бюста, — творение указанного Стасова, по коей причине бюст водрузили не лишь бы где (как это иногда случается с памятниками), а именно здесь. В те времена многие жители нашего Ленинского района, как и прохожие с приезжими, скользнув взглядом по бюсту, художественных достоинств не имеющему, и надпись на нём просто не заметив, думали вскользь, другими мыслями обременённые: памятник какому-то революционеру, какому-то партийному или советскому деятелю... Троицкий проспект (между Измайловским и Лермонтовским проспектами) был известен моему и предыдущим поколениям как проспект Москвиной; его переименование состоялось в 1923 году в честь Н. М. Москвиной, *советского партийного и профсоюзного деятеля*; Рижский проспект (от Лермонтовского в сторону порта) был знаком нам только как проспект Огородникова: в том же 1923 году его назвали так в честь И. В. Огородникова — *активного участника Октябрьского вооружённого восстания в Петрограде*... Понятно и объяснимо: историю пишут победители. Они же, победители, сооружают памятники тем, кого считают героями, достойными вечной памяти, они же переименовывают старые улицы, города, а то и целые страны в честь своих князей, предводителей, вождей. Так что при каждой смене власти, режима, строя предвидится новая волна переименований.

То, что Троице-Измайловский собор, творение архитектора В. П. Стасова, закрыли в 1938 году — тоже объяснимо: советский атеизм был *воинствующим*, настроенным на искоренение христианства и иных религий и культов. А вот Колонну Славы по каким соображениям снесли в 1930 году? Напоминала она о *подвигах русских войск, принимавших участие и победивших в Русско-турецкой войне 1877-1878 годов*, что в этом нашли антисоветского или антикоммунистического?

Памятник восстановили в 2005 году. Колонну отлили заново, пользуясь, видимо, сохранившимися чертежами. Глядя издали, можно принять её за один из старых петербургских памятников и порадоваться, как у нас ценится и охраняется культурное наследие. Не знаю, как другим, а лично мне всё время помнится, что Памятник Славы перед вновь открывшимся Троицким собором — новодельный. Когда его сносили, тоже, очевидно, звучали какие-то речи про культуру, про то, как, разделившись со *старьём*, художественных достоинств не имеющим, мы расчищаем место для нового, подлинного искусства.

Если идти от Измайловского проспекта в сторону Невы, сразу за мостом через Фонтанку лежит Вознесенский проспект с дальним видом на Адмиралтейство. Вознесенский, не раз упомянутый в художественных произведениях, в том числе у Ф. М. Достоевского, в советское

время именовался проспектом Майорова, и район Ленинграда по ту сторону Фонтанки назывался Октябрьским — в честь Октябрьской революции, понятно, а не по осеннему месяцу октябрю. А кто такой Майоров? В ленинградском путеводителе за 1986 года писали:

«На пересечении канала <Грибоедова> с пр. Майорова, названным в память о герое гражданской войны П. В. Майорове, проходит Вознесенский мост <...>. В течение почти двух столетий проспект также именовался Вознесенским — по церкви, построенной здесь, на левом берегу Кривуши, в 1728 году и возведённой заново в 1760-х годах архитектором А. Ринальди (не сохранилась). Два угловых дома у моста связаны со страницами революционного движения...»

Архитектору Ринальди повезло меньше, чем архитектору Стасову. В каком смысле? В том, что ему не поставили бюст на стогнах Северной Пальмиры, известной также как Город трёх революций и Колыбель революции? Бюста, насколько я знаю, не было, но теперь имеется — уже в наши дни, к трёхсотлетию Петербурга, из Милана прибыли в качестве подарка бронзовые изваяния сразу четырёх итальянских архитекторов, в России долго проживавших и работавших, это Карло Росси, Джакомо Кваренги, Антонио Ринальди и Бартоломео Растрелли. Услышав последнее в этом списке имя, мы сразу вспоминаем Зимний дворец, главную царскую резиденцию, где ныне расположен всемирно известный музей Эрмитаж; мне на память также приходит сразу запальчиво-провокационный вопрос поэта Владимира Маяковского: Почему не расстрелян Растрелли? — в отношении означенного Зимнего дворца, а не как призыв поставить к стенке итальянского зодчего. Если буквально, в стихотворении «Радоваться рано», напечатанном в декабре 1918 года в газетке «Искусство коммуны», автор в припадке вдохновения, если не в *пароксизме ненависти*, высказался следующим образом:

Белогвардейца
найдёте — и к стенке.
А Рафаэля забыли?
Забыли Растрелли вы?
Время
пулям
по стенке музеев тенькать.
Стодуюмовками плоток старьё расстреливай!
Сейте смерть во вражьем стане.
Не попадись, капитала наймиты.
А царь Александр
на площади Восстаний
стоит?
Туда динамиты!

Оригинальная рифмовка... А какие аллитерации! Приходится признать: имелись природные поэтические способности у стихотворца-футуриста, даже если нас воротит, в целом, от его *партийных книжек*. Согласимся, что Маяковский ополчился не лично против Рафаэля и Растрелли, а против их произведений, которые он считал культурным *старьём*, это по их произведениям он призывает стрелять, их творения взрывать динамитом — и Зимний дворец, и конную статую Александра III на Знаменской площади (нынешней площади Восстания, прямо на выходе из Николаевского вокзала, переименованного в 1924 году в Октябрьский, затем в Московский).

Выстроили пушки по опушке,
глухи к белогвардейской ласке.
А почему
не атакован Пушкин?
А прочие
генералы классики?

В 1917 и 1918 годах пули, действительно, тенькали по стенам и дворцов, и музеев, и какие-

то строения были сожжены — иногда просто так, из баловства, в пьяном задоре: раззудись плечо, размахнись рука, возьмём и спалим! У меня в голове рисуется картина, может быть, не такая уж фантастическая: поэт Пушкин, художник Рафаэль и архитектор Растрелли оказались бы в то время в революционном Петрограде, и вот их одного за другим не в качестве художественного произведения, а живую повели на расстрел, при этом личности, распоряжавшиеся арестами и выносившие смертные приговоры, сослались бы на стихотворение «Радоваться рано», понимая призывы Маяковского в прямом смысле, как указание разделяться с врагами новой власти — тем более, что в газете они напечатаны.

Когда я обмолвился, что итальянскому архитектору Ринальди повезло меньше, чем Стасову, я имел в виду, что стасовский Троицкий собор на Измайловском проспекте хотя и закрыли на несколько десятилетий, но он дожил до наших дней, его вновь открыли и сейчас даже отремонтировали, а Вознесенскую церковь, построенную итальянским зодчим, сровняли с землёй — туда динамиты! — и от неё осталось одно воспоминание. Что касается Майорова, в честь которого переименовали Вознесенский, один из старейших проспектов Петербурга, проложенный от Адмиралтейства: участие Майорова в Гражданской войне позже стали подвергать сомнению, и даже возник вопрос, а тот ли это Майоров, которого считали героем? Теперь проспекту вернули прежнее название, так что, наверно, справедливость восстановлена? Наверно. Архитектурное творение Ринальди, правда, уже не восстановит: на месте Вознесенской церкви построили школу. Вот что печально: уличные таблички можно снять, другие взамен прежних повесить, потратив в очередной раз казённые деньги, но не вернуть к жизни всех русских людей, после Революции *поставленных к стенке*, убитых во время Гражданской войны, умерших при коммунистическом правлении в лагерях. Страна-то по-прежнему занимает шестую часть суши, только населения на великие просторы не хватает, как бы другие народы, сильно расплодившиеся и размножившиеся, не попросили нас потесниться... Что касается искусства, и что касается культуры: предаваясь долгим разговорам на эти темы, разговорам зачастую очень отвлечённым или вообще пустым, разговорам подчас приторно-слащавым или притворно обеспокоенным, предаваясь восторгам, иногда совсем необоснованным, полезно, мне кажется, держать в памяти, что в случае чего — если вдруг новые *преобразователи* закричат: мировой пожар раздуем! — тут же соберутся толпы грабить магазины и растаскивать музеи, сразу поднимут головы и возвысят голоса *творческие личности* вроде Маяковского, который хмыкал по поводу *культурного наследия*: Старьё охраняем искусства именем! — и последуют яростные призывы сродни тем, что мы прочитали в стихотворении «Радоваться рано».

3

В советское время я ездил иногда на Чёрное море. В крымском посёлке Гурзуф, который весь лицом к морю с видом на огромную Медверь-гору и по соседству с Артеком, из немногочисленных улочек и переулков одна именовалась улицей Подвойского — обязательный верноподданический поклон в сторону советских властей и партийного руководства. Николай Ильич Подвойский — революционер, большевик, советский партийный и государственный деятель... Когда я учился в школе, в учебниках истории он обязательно упоминался, подчёркивалась его роль в событиях 1917 года: он был членом Петроградского комитета РСДРП, депутатом Петроградского совета, руководителем Военной организации при Петроградском комитете большевиков, организатором отрядов Красной гвардии, он входил в число тех, кто, собственно, осуществил Октябрьский переворот, названный потом Великой Октябрьской революцией; как член Военно-революционного комитета, Подвойский руководил вооружённым восстанием, в том числе штурмом Зимнего дворца... Человека с подобным списком подвигов и заслуг при советской власти заносили, конечно, в скрижали истории, при этом *навечно*, его имя присваивали улицам, площадям, заводам, каналам, пароходам... Именно по Маяковскому: он *воплощался в пароходы, в строчки и в другие долгие дела*. Правда, имели место случаи, когда даже самых активных участников Революции позже объявляли врагами, ссылали или физически уничтожали, тогда приходилось и скрижали переписывать, и быстро снимать уличные таблички со стен домов и вывески у входа в учреждения, вымарывать вчера ещё славное имя из всех документов, придумывать срочно новые названия обезличенным

улицам, переулкам, пароходам, производственным и учебным заведениям.

Не помню, тогда писали, упоминали, или, может быть, не выставляли или же выставляли в положительном свете тот факт, что Подвойский был политическим преступником: в ноябре 1916 года его арестовали, в феврале 1917 года приговорили к ссылке в Сибирь; освобождённый во время Февральской революции из тюрьмы, он почти сразу захватил, с группой *революционных* солдат, особняк Матильды Кшесинской — нет, не с целью грабежа, недвижимость конфисковали или, попросту говоря, отобрали у владелицы, чтобы разместить поближе к городскому центру и в больших, удобных помещениях штаб большевиков.

Здесь, предвижу, меня остановят, здесь мою речь или, как сейчас любят выражаться гуманитарии, мой *устно-речевой дискурс* прервут ядовитым замечанием. Мне грозит выговор, чтобы я не иронизировал по поводу видного государственного деятеля Подвойского? Чтобы я не разжигал старые распри — точнее, страсти по поводу прежних распрей, теперь-то мы все едины, терпимы, своё прошлое уважаем в целом, не разделяя предков на тех, кто приказывал расстреливать или лично расстреливал, и тех, кого расстреливали.. Ах нет, мне сделали уместное и справедливое замечание: улица Подвойского в Гурзуфе названа не в честь петроградского революционного героя. В Гурзуфе орудовал, простите, действовал другой Подвойский! В качестве доказательства приведут сведения из краеведческого материала: в 1917 году власть в посёлке перешла в руки первого Гурзуфского ревкома, председателем которого стал Иван Ильич Подвойский. Видите: фамилия и отчество совпадают, но имя другое. На помощь поселковым революционерам прислали из Севастополя матроса Альфреда Вагула.

Далее процитирую из очерка Л. И. Кондрашенко «Гурзуф»:

«У гурзуфского ревкома было много неотложных дел. На владельцев бывших имений и их наследников, на хозяев богатых дач <...> была наложена контрибуция. У них были изъяты ценности — золото, серебро, драгоценности, деньги: больше десяти пудов серебра, пять фунтов золота. Отобранные у буржуазии драгоценности ревком решил отправить в Москву — В. И. Ленину».

Родные братья, похоже, эти Подвойские, судя по отчеству и по поведению? Один захватывал особняки и дворцы в Петрограде, другой имения и дачи на Черноморском побережье Крыма, отбирая деньги у *буржуазии*, наверно, под дулом револьвера, имевшегося у присланного севастопольского матроса. Так что ошибочное мнение по поводу Николая Подвойского мне следует выпустить: я перепутал, улица в крымском посёлке носит имя не петроградского, а местного героя... Пожалуй, выбрасывать не стану, сей пример послужит подтверждением той мысли, что после междоусобиц и переворотов победители присваивают той или иной улице, тому или иному городу имя одного из своих сподвижников, приспешников, приверженцев, товарищей (если не клеветов), даются обещания, а то и клятвы, хранить это имя вечно в памяти, но со временем память пригущается, стирается, может возникнуть путаница, недопонимание, а то и полное непонимание, в честь кого именуется улица, на которой мы живём: кто такой Майоров, чья фамилия украшала один из самых известных петербургских проспектов, какого именно Подвойского увековечили на карте небольшого посёлка Гурзуф?

Согласимся, непонимания и вопросов не возникало бы, если бы Вознесенский проспект избежал переименования, и улица Подвойского в крымском посёлке сохраняла бы прежнее своё название. Кстати, каким оно было? Теперь не так-то просто отыскать... Среди всяческих крымских краеведческих поделок мне встретилась статья, которая подтверждает, что не только мне, живущему в Петербурге, но и некоторым местным историкам, не говоря уже об обывателях, при упоминании Подвойского на память приходит свержение Временного правительства в Петрограде, штурм Зимнего дворца: «История улицы глубоко корнями уходит в историю Крыма, революционное время, время не простое как для Крыма так и для всей России. Названа была улица также в советские времена, в честь революционера Н. И. Подвойского, Маяковский сказал о нём в поэме «Хорошо!»: Он был скромен, как подлинный ленинец...»

Видите, и Маяковский снова пришёлся лыком в строку. В указанной поэме, правда, этого хвалебного отзыва я не обнаружил, но, ладно, я и без этого верю, что Николай Подвойский был подлинным ленинцем. Как и его то ли брат, то ли однофамилец Иван Подвойский. Вот и по поводу матроса Вагула, которого *увековечили* в посёлке Гурзуф, дав его имя одной из улочек, встречаются разные мнения: то ли он Альфред Карлович Вагул, уроженец Риги, то ли Рудольф Екабаевич не уточняется откуда; но, в любом случае, член РСДРП с 1903 года, так что, конечно,

ленинец.

4

Помимо улицы Подвойского с её спорным названием большинство извилистых проездов и проходов в Гурзуфе именовались грамматически правильно, благозвучно и уместно: улицы Виноградная, Ореховая, Скальная, Зелёная, Артековская, Санаторная... Как-то, приехав в Гурзуф после 1982 года, я обнаружил, что Зелёную переименовали в честь шестидесятилетия СССР, официально она стала — не сразу и выговорить: Улица имени 60 лет СССР. Вся страна, особенно в лице местных и столичных руководителей, стремилась, а то и лезла из кожи, чтобы достойно отметить тот юбилей, и руководству маленького Гурзуфа тоже надлежало как-то выразить свою радость и верноподданические чувства, и, не имея больших возможностей, в старинном приморском селении, ведущем свою историю от древних греков, не нашли ничего другого, как произвести указанное переименование. Наверно, при этом даже что-то вроде митинга собрали — для отчёта перед вышестоящими инстанциями.

Посмотрев карту современного Гурзуфа, я обнаружил, что улочка в несколько домов всё так же имени 60 лет СССР. Видимо, никому не режет слух, никому не приходит в голову, что название нелепое, для улицы совсем не подходящее, неблагозвучное, некрасивое... Или, может, в бюджете посёлка нет денег даже на небольшие издержки: заказать несколько табличек. Есть у меня подозрение, что дело не в деньгах, не в здравом смысле, не в благозвучии. Я почти уверен, никто не протестовал, все *молчали в тряпочку*, когда убиралось название *Зелёная* и вешалось труднопроизносимое *имени 60 лет СССР*, но попробуй сегодня вернуть прежнее название, так, глядишь, соберётся кучка каких-нибудь *активистов* и возопит: не троньте нашу историю! Пойдут доносы, простите, жалобы в прокуратуру, полетят челобитные в Кремль об оскорблении гражданских чувств...

Вот, кстати, пример об оскорблении чувств, не совсем из сегодняшнего дня, но из новейшего времени, если точно, из 1988 года, когда, в связи с перестройкой, объявленной из Москвы, гражданские, религиозные и патриотические чувства уже дали ростки и набирали силу; в том году на юге Крымского полуострова отмечали круглую дату: 150 лет, как Ялте присвоен статус города! Прокатилась волна переименований, которая задела и Гурзуф, ибо он находится в границах Большой Ялты. Улице с благозвучным, на мой взгляд, названием *Фонтанная*, присвоили вдруг имя матроса Альфреда Вагула — или Рудольфа? — того самого матроса, которого в 1917 году прислали в Гурзуф из Севастополя в помощь Подвойскому отбирать деньги и драгоценности у владельцев крымских дач и имений... Вы говорите, они только у зажиточных отбирали? Это оправдание, чтобы считаться не грабителем, а борцом за справедливость? С бедных, в любом случае, что возьмёшь, нет у них золота и бриллиантов для оправки в Москву товарищу Ленину...

Не забывая о грамматической направленности своего материала, замечу, что, кроме написания *улица Вагула* в печатных и электронных источниках встречается написание *улица Вагулы*... Перекрестив Фонтанную улицу, разохотившись, местные власти, сделали гурзуфскую Садовую улицу в том же году улицей Никитина. Кто такой? Тоже революционер, большевик, экпроприатор? Нет, переименовали в честь тверского купца Афанасия Никитина, он, возвращаясь в Тверь из своего хождения за три моря, останавливался в Юрзуфе в 1474 году... Здесь я промолчу, не стану возражать против улицы Никитина? Нет, я повторю свою мысль: прилагательные *Садовая* и *Фонтанная* легко и естественно сочетались с существительным *улица*, и в целом посёлок имел благозвучные названия, не вызывающее неприятия или кривотолков во все времена, тогда как по поводу Никитина требуются пояснения, какой именно Никитин из очень многих с такой фамилией, и — я ещё ни разу, вроде бы, не сказал о этом — в названиях не должно быть родительного падежа. Никитинская улица, Пушкинская площадь — приемлемо для русского языка, улица Никитина или площадь Пушкина — как будто идёт речь об их собственности, будто они владельцы указанных мест. А, вы имеете в виду не владение землёй и недвижимостью, указанным местам даны имена Никитина и Пушкина! Тогда пишите на табличках, на картах и схемах для правильной грамматики: улица имени Подвойского,

проспект имени Майорова, площадь имени Пушкина — как это делают в названиях разного рода учреждений, например: Педагогический институт имени А. Н. Герцена, Библиотека имени В. В. Маяковского... Для лучшей иллюстрации и для убедительности приведу полные названия указанных организаций: Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, Центральная городская публичная библиотека имени В. В. Маяковского. Это казёнщина, конечно, не то что в чистом, а прямо-таки в рафинированном виде, но, поскольку преобладает именно казённый подход к именованиям и переименованиям, давайте уж следовать единообразию: улица Большевиков (есть такая в Петербурге) должна быть имени Большевиков, проспект Обуховской обороны (бывший Шлиссельбургский тракт) должен именоваться, прописываться на табличках, печататься в документах и справочниках как проспект имени Обуховской обороны.

Когда я учился в университете на филологическом факультете, составляя какое-либо заявление, заполняя какие-либо анкеты, я каждый раз должен был верноподданнически прописывать в соответствующей графе: Ленинградский государственный университет имени А. А. Жданова. Чувствуете разницу: одно дело университет Герцена или Жданова, будто они учредители, организаторы, владельцы, и другое дело имени Герцена или Жданова — в их честь, как дань большого уважения! Это же правило, повторяю, должно применяться и в случае с другими наименованиями: улица имени, предположим, Малюты Скуратова, переулок имени, например, Шешковского... Простите, есть такие в России? В честь опричника Скуратова и *кнутобойца* Шешковского, служившего обер-секретарём в Тайной экспедиции? Не знаю, если поискать, то, может, и найдутся, страна у нас большая, населённых пунктов в ней много, нам позволено иметь разные *гражданские позиции* и смело выражать свои *гражданские чувства*, так что, если в Петербурге есть проспект Большевиков, почему бы где-нибудь не быть улице Опричников? Я не буду проверять, может, такая уже и есть; уточнять ни к чему, ибо я привожу чисто для примера различные варианты городских названий — утверждая первостепенность грамматики при образовании урбанонимов.

5

Два слова о гражданских чувствах и гражданской позиции: когда при советской власти что-то переименовывалось, особенно в сталинские времена, например, когда имя Н. И. Ежова получали разные населённые пункты и улицы в разных населённых пунктах, обыватели, вернее, советские граждане, не возражали, молчали: переименовывают, значит, так надо (и если товарищ Ежов кого-то сажает, то, значит, есть за что)... Нет, не молчали, били в ладоши, приветствуя продолжительными аплодисментами правильное, очень своевременное постановление об *увекочечении* товарища Ежова, памяти о товарище Ежове! Такого восторга и такого активного проявления гражданских чувств что-то не наблюдается, когда тому или иному месту хотят вернуть дореволюционное название или заменить какое-либо корявое название вроде *60 лет СССР* на прежнее благозвучное *Зелёная*.

В 1988 году в связи с ялтинским юбилеем и, конечно, под опьяняющим воздействием начавшегося политического раскрепощения, улице Пролетарской в Гурзуфе присвоили имя Фёдора Шаляпина. До революции Шаляпин бывал в Гурзуфе, в 1916 году он даже купил в Артеке, точнее, в имении Суук-Су, часть морского берега с утёсом, чтобы возвести на нём Замок искусств. Судьба уберегла Шаляпина от личной встречи с гурзуфским ревкомом в лице Ивана Подвойского с Адольфом Вагулом — или Рудольфом Вагулой? — но своей скалы над морем с видом на Медведь-гору и Адалары он, конечно, лишился... Оскорбившись тем, что он стал жителем на улице Шаляпина, некий гурзуфский гражданин, в ком разыгрались гражданские чувства, направил в Верховный Совет СССР челобитную, в коей доносил с возмущением, что славной Пролетарской улице присвоили имя белоэмигранта! Тогда был ещё и Советский Союз, и Верховный Совет этого Союза и, главное, Центральный комитет КПСС ещё существовал, на котором замыкались все вопросы страны, и от которого исходили все решения и постановления; несмотря на объявленную перестройку, была ещё советская власть с достаточно сильным партийным руководством, и Ялтинскому горкому партии *сверху* было поручено проверить жалобу советского гражданина и разобраться по существу. Решение о замене *Пролетарской* на *Шаляпина* было признано политически неправильным. Так что в Гурзуфе по-прежнему есть

улица Подвойского, улица Вагула, но нет улицы Шалапина. Правда, та скала, которую он приобрёл для постройки Замка искусств, носит сегодня его имя, не знаю только, это официальный *топоним* или просто так, принятое в народе прозвание. Во времена Шалапина её называли скалой Пушкина, о чём оставил свидетельство сам Фёдор Иванович:

«Есть в Крыму, в Суук-Су, скала у моря, носящая имя Пушкина. На ней я решил построить замок искусства. Именно, замок. Я говорил себе: были замки у королей и рыцарей, отчего не быть замку у артистов? С амбразурами, но не для смертоносных орудий. Я приобрёл в собственность Пушкинскую скалу, заказал архитектору проект замка, купил гобелены для убранства стен. Мечту мою я оставил в России разбитой...»

Читая по ходу написания этого очерка разные краеведческие истории, я узнал, что в 1921 году Ялту переименовали в Красноармейск (правда, всего на один год); мне встретились разного рода названия, куда более неуклюжие, чем гурзуфская Улица имени 60 лет СССР: например, ходили по морям и океанам большой десантный корабль «50 лет шефства ВЛКСМ», подводная лодка «60 лет ВЛКСМ», сторожевой корабль «60 лет комсомола Белоруссии». Замечу в скобках, что боевой корабль должен иметь короткое, тоже боевое или как-то связанное с морем название: «Воин», «Ратник», «Боец», «Стрелец», «Витязь», «Капитан», «Адмирал», «Варяг», «Буран», «Шторм»... Боюсь, здесь меня опять прервут: взялся рассуждать о грамматике, но влезает то и дело в политику, оскорбил уже, быть может, гражданские и патриотические чувства многих граждан, теперь и военных людей полез учить, как им свою боевую технику величать!

Дабы разрядить атмосферу, переведу разговор на что-нибудь умиротворяющее, на культуру, на искусство... Вот мы вспомнили только что Фёдора Ивановича Шалапина: он обладал необыкновенным актёрским мастерством, пел в лучших оперных театрах, кроме этого, занимался живописью и скульптурой; он, похоже, обиделся, что крымскую скалу у него отобрали, и Замок искусств стал *разбитой мечтой*; но ведь он принял, как пишут, Революцию, работал в театре при новой власти, даже первым получил почётное звание Народного артиста Республики; не мог он обижаться на родной народ и на родную страну... Как-то так получилось, что, поехав на гастроли за границу в 1922 году, за границей Шалапин задержался, что-то не то сказал там кому-то, где-то не перед теми выступил... Не будем ворошить ради нынешнего спокойствия и всеобщего примирения прошлую историю; она, кстати, получила в 1926 году отклик — будем считать, поэтический, нежели политический: Владимир Маяковский, тоже к нашей великой культуре причастный, написал тогда:

Вернись теперь такой артист
назад
на русские рублики —
я первый крикну: Обрато катись,
Народный артист Республики!..

Нет, способствуя примирению и терпимости, лучше к устоявшейся классике обратиться, из 19-го века; вот, Николай Васильевич Гоголь, например, с его великим патриотизмом, как пишут в школьных пособиях, с его духовной связью с народом и душевспасительным творчеством, как докладывают сегодня титулованные гуманитарии; помните, как он всю Русь мастерски воплотил в образе пшцы-тройки, и как это у него верно сказано, что редкая пшца долетит до середины Днепра... Правда, если задуматься, огромная Россия — вовсе не быстрая бричка, и любая мошка, не то что пшца, перелетит с лёгкостью упомянутую водную преграду, но литератор ведь не полицейский протокол составляет со скрупулёзной точностью к деталям, он творит, и, увидев, например, поселковую улочку из трёх-четырёх домов с названием *Улица имени 60 лет СССР*, он не стал бы ворчать, придирается к смыслу и благозвучию, утверждать, что в названии отсутствие первого и второго, да и вообще это казёнщина, он восхитился бы и создал ещё одну гиперболу: улица была короче своего названия.

Темой данного очерка была заявлена грамматика — при этом в необычной роли, как средство против недомыслия, казёнщины и низкопоклонства, но я, виноват, сбиваюсь на историю, географию, литературу и прочие школьные дисциплины, даже чуть ли не в политику лезу с религией... Обратимся, действительно, к грамматике и вернёмся к городским названиям — к урбанонимам, если хотите, и для придания научности своей статье, наверно, имеет смысл воспользоваться другими терминами, введёнными в обиход, если я не ошибаюсь, в новейшее время: агороним (название городской площади или рынка), годоним (название улицы), хороним (название отдельного здания). Такая детализация продиктована, видимо, с оглядкой на естественные науки: там под электронным микроскопом изучают и выявляют всё более мелкие частицы, уже не только молекулу, но и атом разложили на составляющие, там уже до генов добрались, и гуманитариям не хочется отставать, им тоже жаждется препарировать, вносить новизну в филологию, литературоведение, топонимику и что там ещё есть у нас гуманитарного...

Приведу пример с годонимом *Лермонтовский проспект* в Петербурге, в нашем же Адмиралтейском районе, переставшем быть Ленинским, дабы показать, что я понимаю под недомыслием: в 1739 году в слободе, где расквартировали Измайловский полк, была проложена улица с уместным названием *Первая солдатская*; в 1801 году она подверглась переименованию (скорее всего, та часть, которая входит в сегодняшний проспект от Фонтанки до Обводного канала), и Солдатская улица стала Грязной. Название продержалось полвека, до 1859 года. Видимо, имелись зримые и осязаемые причины для подобного непривлекательного отзыва, но властям можно было раскинуть мозгами и рассудить: обывателям будет неловко писать в своих почтовых адресах и сообщать знакомым, что их жильё на Грязной улице, и, что существенней, столица великой империи таким образом признаётся в официальном порядке, что некоторые её районы не имеют мостовой, плавают, так сказать, в грязи; можно было предвидеть, что со временем улицу замостят, проложат тротуары, и тогда потребуются бюрократические процедуры и денежные расходы на то, чтобы от непривлекательного имени избавиться. Или вот: думаю, в каждом населённом пункте есть что-нибудь имени Пушкина — улица, переулок, площадь, тупик, библиотека, музей... Тоже ведь недомыслие. Или нежелание думать. Фамилия нашего известнейшего поэта стала шаблоном, если не затычкой, на любой случай: как нам что-то назвать? — а вот Пушкин, его именем и назовём.

Между Измайловским и Московским проспектами находится учебное заведение, бывшее когда-то Первым Петроградским механическим техникумом, ставшее в 1930 году Механическим, а затем, в 1932 году, Военно-механическим институтом. Простое, понятное название отражало суть и педагогическую направленность учебного заведения. Дальнейшие метаморфозы хоронима *Военно-механический институт* служат примером, как простое и понятное начинают усложнять, коверкать из-за недомыслия вкупе с казёнщиной и чинопочитанием: в 1957 году учебное заведение получает официальное наименование *Ленинградский ордена Красного Знамени Механический институт* (и это словесное нагромождение нужно было воспроизводить письменно и устно во всех более или менее официальных случаях); в 1984 году ему присваивают имя *выдающегося выпускника Д. Ф. Устинова*. Это всё равно, что человеку по фамилии Петров присвоить имя какого-нибудь Иванова или Сидорова, вы не находите? В настоящее время вывеска и официальные документы Механического института украшены поистине перлом казённого слога: Балтийский государственный технический университет «Военмех» имени Д. Ф. Устинова. Сравним с каким-нибудь Оксфордским университетом, в 11-м веке появившимся, у него название всего-то из двух слов, короткое и при этом совсем простенькое, по названию города, в коем он возник и расположен: *University of Oxford* (или, менее официально, *Oxford University*) так что людям посторонним и иностранцам не понять, учебное заведение английское или какое, оно государственное или частное, оно, вообще-то, своего личного, так сказать, названия не имеет, что ли?

В названии учреждения незачем выставлять его принадлежность государству или частным владельцам: право собственности закреплено в соответствующих документах, казённый слог коих мы не будем трогать и критиковать. На вывесках и афишах должно читаться простое:

Русский музей, музей Эрмитаж, Московский университет, Политехнический институт, Третьяковская галерея, Российская библиотека... Можно подумать, что в учебном заведении с многословным *весомым* названием лучше учат или за счёт такого названия оно престижнее; повторю ещё раз, как обстоятельно именуется петербургское высшее учебное заведение, задача которого готовить учителей для школы: Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена. Если руководству и преподавательскому составу сильно захочется преклониться ещё перед каким-либо авторитетом помимо Герцена, педагогическим или политическим, это, выходит, вполне осуществимо: просто расширяем зачитанный только что *хороним*, внося в него ещё одно наименование.

7

В городских названиях нарицательное существительное вроде *улица* должно иметь при себе прилагательное соответствующего рода.

Примеры с наименованиями в женском роде: улица Садовая, Кленовая, Тополиная, Ивановская, Петровская, Васильевская, Гвардейская, Солдатская, Советская; площадь Красная, Дворцовая, Минская, Лондонская, Парижская, Пушкинская, Республиканская — и далее бесконечный список.

В названии проспекта, переулка, проезда, моста требуется прилагательное в мужском роде: Невский, Московский, Петроградский, Ломоносовский, Кутузовский проспект; Хлебный, Дровяной, Кузнечный, Мясной, Мучной, Щепяной, Скобяной, Соляной переулок (очень хорошо, когда в названии сохраняется память о некогда существовавших в тех местах промыслах и ремёслах); Крымский, Дворцовый, Большой Каменный мост.

В названии не должно быть существительных в родительном падеже. Неприемлемы наименования, получившие в силу недомыслия, ложного пафоса или низкопоклонства сильное распространение, такие, как: улица Иванова, проспект Петрова, площадь Сидорова, бульвар Новаторов, проезд Геологов — здесь я намеренно не привожу существующие названия с известными всей стране именами, дабы не втягиваться в ненужное препирательство: кто достоин, кто не достоин, чтобы его *увековечили*.

Название должно склоняться в полном виде по всем падежам, следуя правилам русской грамматики: Тверская улица, идти по Тверской улице, любоваться Тверской улицей; очерк о Невском проспекте и Дворцовой площади; проживать в Каретном переулке, заехать в Глухой тупик... А бывает иначе, что название не склоняется? Бывает. Например, есть в Петербурге улица Турку. Во-первых, и для части петербургских жителей, и для многих приезжих название непонятно. Зачем вводить в язык, засорять его незнакомыми или малознакомыми, необычными и непривычными словами? Кто-то кому-то объяснит: назвали в честь финского города Турку. Но это имя собственное из разряда тех, которые не вписываются органично в русский язык, и прилагательное от него тоже не образуешь. Что делать? Ответ простой: не давать городским объектам такие названия. Мне скажут: это название города-побратима, его из благородных побуждений внесли в своё время в топонимику Ленинграда. Если побратим, повесьте в актовом зале городского совета красочно оформленный список всех родственных и дружественных мест (а их, кстати, десятки), включая Турку. Если хочется выделить и подчеркнуть дружеские связи с Финляндией, это осуществимо, пусть будет в городе Финская или Финляндская улица.

Точно так, желая почтить память той или иной личности, установите памятную доску в стенах учреждения, где личность трудилась, преподавала, заседала; в случае недовольства со стороны последующих руководителей, будущих поколений и скандальных граждан, такую доску легче и дешевле снять и убрать с глаз долой, чем по всей длине какого-нибудь многокилометрового проспекта менять, опустошая казну, таблички и указатели: был проспект имени Иванова, потом его сделали имени Петрова, затем перекрестили в честь Сидорова...

Из названий следует вывести особенно те, в которых по два, а то и по три существительных: улица Строителя Иванова, площадь Садовника Петрова, набережная Мичмана Сидорова, проспект 60 лет образования СССР; последний пример подсказывает, что, ко всему прочему, в именовании не должно быть чисел и сокращений.

В Петербурге в советское время был мост Лейтенанта Шмидта, теперь ему вернули грамматически правильное и благозвучное название *Благовещенский*, и сие именование

гармонирует с названиями других петербургских мостов: Дворцовый, Троицкий, Литейный, Измайловский, Обуховский, Египетский, Театральный... По поводу Володарского моста я не уверен, его название гармонирует или нет? — напоминание о В. Володарском не у всех вызывает приятные чувства, но я готов согласиться, что в таком виде, в виде прилагательного *Володарский* в сочетании с существительным *мост*, название не воспринимается большинством обывателей из нынешних поколений как прославление некой личности, активно утверждавшей в России большевизм и застреленной в 1918 году.

Названия даются свыше — не с небес, а руководством и правительством. Даже если именование предложено значительной группой населения, в том числе заслуженными гражданами, если оно долго бытовало в виде народного прозвища, требуется решение властей для его официального закрепления в документах, ибо, в конце концов, название не просто красуется на табличках, к стенам и столбам прикрепленных, оно требуется для оформления документов при купле и продаже недвижимости, для доставки почтовых отправок, для прописки граждан по месту проживания. Руководство и правительство, в конечном итоге, руководствуясь здравым смыслом и следуя грамматическим правилам русского языка, должны исправлять недомыслие или недостаток образования тех граждан, которые выступили с почином о новом названии того или иного городского объекта, от них же, от властей, следует ожидать, чтобы задействованные чиновники не прибежали к канцеляризмам и не впадали в казёнщину.

Но как быть, когда не простые обыватели, не почётные граждане, но напористые квасные патриоты, шумные *пропагандисты и агитаторы* (как сказал бы Ф. М. Достоевский), разного рода подхалимы и лизоблюды требуют присвоить имя того или иного деятеля тому или иному строению или учреждению — одни разглагольствуя о культурных и духовных ценностях, о трепетном отношении к нашей истории, другие о важной роли означенного деятеля в развитии России? Как противостоять проявлениям верноподданничества, низкопоклонства, лакейства и лизоблюдства? — хотя бы ради того, чтобы избежать неприятия и недовольства в последующих поколениях. Только грамматика поможет. Одним хочется непременно видеть в городе, например, улицу имени Иванова, хотя был тот Иванов сумасбродом и тираном, другим не спится, потому что нет в городе площади Петрова, который подписывал приказы об уничтожении политических противников и инакомыслящих, третьим подавай проспект имени Сидорова — чтобы выслужиться перед кем-либо из ныне здравствующих властителей; никого из них не переубедить, не вразумить, всё равно все остаются при своём мнении; и тогда в городском совете им показывают благоразумно разработанные и своевременно принятые правила о городских наименованиях, и, идя, как говорится, навстречу народу с его требованиями, тем более, что глас народа, как многие утверждают, это глас Божий, городской совет принимает решение: пусть в городе будут Ивановская улица, Петровская площадь, Сидоровский проспект — новые магистрали в новостройках, чтобы не тревожить старых названий, не тратить рабочее время и казённые деньги на смену вывесок, табличек и указателей.

Литература

1. Бархударов С. Г. и др. Учебник русского языка: для восьмилетней школы. М., 1966.
2. Ленинград. Путеводитель. Л., 1986.
3. Маяковский В. В. Полное собрание сочинений. Тт. 2, 7, 8. М., 1955-1961.
4. Шаляпин Ф. И. Маска и душа. Париж, 1932.
5. Шнеур В. К. Путеводитель по Крыму. Симферополь, 1924.